Ярослав Астахов

Отрубленная рука

Часть сборника

Лезвие осознания (сборник)

Лезвие осознания

Ярослав Астахов

Отрубленная рука

«Автор»
1995

Астахов Я.

Отрубленная рука / Я. Астахов — «Автор», 1995 — (Лезвие осознания)

ISBN 978-5-457-10508-9

Мистико-психологический триллер. Отец и сын - творческие личности: художник и знаменитый бард - решают удалиться от суеты мира и строят себе дом в сердце глухой Тайги. Но облюбованное ими место, оказывается, имеет уже Хозяина...

ISBN 978-5-457-10508-9

© Астахов Я., 1995
© Автор, 1995

Ярослав Астахов
Отрубленная рука

Я помню, каким он был.

У меня бездонная память. В ней сохраняется *все*. И даже образы отдельных людей… их речи – бесконечные нагромождения слов… и также некоторые их *мысли*.

Это забавляет меня: мое могущество памятования проявляется и в таком незначащем. Какое дело мне может быть до людей?

Я помню их имена. Двойные, подчас причудливые… *Иван Серый*.

Кряжистый, как это почему-то иногда говорят люди о подобных себе, старик. Седая грива волос, расчесанных на прямой пробор. Серые, внимательные глаза со странной величины зрачками. Неопрятные брови… Ей дьявол, он чем-то напоминал меня! Может быть – морщинами на загорелом лице, пролегшими, как трещины в коре дерева.

Я помню выражение его глаз в момент, когда его брала смерть.

Но чаще мне вспоминается, какими были эти глаза, когда показывал он сыну итоги дела, занявшего последнее десятилетие его жизни. Я вижу как наяву: они идут медленно около стены башни, которую недавно возвел старик на моей земле. И вот он останавливается и оборачивается к сыну:

– Смотри, Владимир, какие мощные стены! За такими стенами не погибнешь.

По-видимому, в этот миг он вспоминает название, которое придумали люди для моей котловины. Потому что затем говорит еще:

– Расспрашивал я таежников, почему такое «веселое» имечко у сего места. Они сказали, что, будто бы, недобрая у него слава. Не первый уж тому век – нет-нет, а и находят в котловине разорванных диким зверьем людей. И даже сочинили предание: это, мол, дела какого-то жестокого тутошнего божка. Представляешь? Не перевелись еще места на земле, где по-настоящему в леших веруют.

Владимир улыбнулся задумчиво и молчал. Старик же продолжал, усмехнувшись:

– Но на такую-то стену и лешему не залезть. Четыре человеческих роста. И окна под самой крышей.

– А знаешь, – говорил он еще, – я тут, покуда работяги пахали, все исходил вокруг вот с этой новомодной помповой пушкой. Да вниз жерлом. Это чтобы сразу же выстрелить, если что! И я – ты будешь смеяться – поначалу вскидывался на каждый шорох. Такую уж над нами имеют власть *имена*. Да… *Гибельная* котловина… Но только ничего гибельного я тут не встретил. Ни одного опасного хищника за пять лет. А ведь это сердце Тайги! И вот я тебе что скажу, как охотник. Обходит почему-то зверь это место. За целый выстрел. Я даже и следов никаких не видал на склонах. Ну разве что раза два. А вон – доберись до тех сопок, и будет тебе следов… Впрочем, ты-то, гринписовец, и там, наверное, ничего не заметишь.

Старик присел на высокий камень, подвернувшийся по пути, и раскурил трубку. И говорил затем, выпуская изо рта тонкий дым.

– Я думал вот еще, а нет ли здесь чего просто *вредного*? Как в присказке насчет ларчика. Какая-нибудь *радиация*? Или может – *магнитные аномалии*, типа тех, от которых в иных местах даже скрючивает стволы деревьев? Но сосенки на этой земле, ты видишь, все прямые растут. Что молодые, что старые… А видывал я, Володя, смерть-поляны на реке Кова. Так там стволы вокруг них – как опрокинутый значок доллара! Да там и компас безу-

мен. А здесь такого не замечал – стрелка постоянно указывает, куда положено. Померил я и уровень радиации во многих местах. Вот этим счетчиком. И знаешь, что оказалось? Он здесь везде *ниже* фона.

– Ну разве только вон там, – и палец с пожелтевшим от табака ногтем указывает на скальный выступ одного из холмов, окружающих котловину. На выступ, очень хорошо мне знакомый. – Почему-то возле во-он того пня (как он тебе, кстати, а? – напоминает *отрубленную руку*, не правда ли?) машинка чуть оживает. Видимо, осадки выпали после каких-нибудь ядерных испытаний. И почему-то сохранились именно на этой скале, не вымылись… Но превышение незначительно. И, кроме того, так совпало: именно вот эту деталь ландшафта нам предстоит *взорвать*. Чтобы завершить весь мой план. И мы это осуществим *сегодня*! А там посмотрим, останутся ли на нашей с тобой земле какие бы то ни было *превышения*. Затем я и захватил счетчик.

Иван умолк. И долго неподвижно сидел на камне, и дымил трубкой. А его сын, поставив ногу на тот же камень и скрестив руки на груди, смотрел вдаль.

Но вот он обратился к отцу:

– А все-таки, почему выбрал ты именно это место? Не очень-то удобно здесь было вести строительство. А многие другие п*у* стыни подошли б не хуже. Для дела, что задумали мы.

– Все тоже! – отвечал ему отец, помолчав еще. – Все эта непонятная власть, которую имеет над нами *слово*! Я, только лишь увидал имя этой земли на карте, решил: быть здесь. *Погибнуть* хочу для мира… и мир пусть для меня хоть погибнет! Коллега твой по эстраде неплохо спел: «И стелется гарь – от игр этих взрослых детей»… А мы с тобою, Володя, достаточно наглотались гари! Что я, что ты. И потому она подходит нам лучше некуда – Гибельная-то котловина… Исчезнуть из их возни. Погибнуть для них для всех. Обрести покой!

У старика догорела трубка. Он удивленно посмотрел на нее, помедлил, и вдруг указал ее черенком на башню:

– Да! Вот оно. Все, что накопили нам твои песенки и мои холсты. И довольно! Большое спасибо Богу – или кому там есть – что *хватило*. Да и спасибо этой земле, конечно: она сама дала все. Возводишь опалубку из досок, а камни тут есть везде, их сюда натащил ледник. Укладываешь аккуратно, любовно, чтобы подходили друг к другу, заливаешь раствором. Затем надстраиваешь еще опалубку… Время, раствор и руки. А больше и не требуется ничего. Воду держат сопки вокруг. Артезианская скважина работает как часы. Даже оказалось не нужно качать из озера, что под гребнем. Энергию дают солнышко или ветер. То или другое, а то так и оба сразу, тут есть всегда. А! – работяги радовались как дети, когда собрали энергетическую установку, и она заработала.

– Жаль, редко появлялся ты здесь, – вздохнув, продолжал Иван. – Ведь если бы сам все видел, а не узнавал из моих рассказов, давно бы уже пустил в эту землю корни. Да, знаю-знаю: твои репетиции и твои концерты! А я всегда говорил: легче жить, когда малюешь по парусине, как я. Тут сам себе голова: ни от кого не зависишь. Впрочем, есть и в твоем ремесле, как это теперь говорят, свой кайф. Мотаешься по столицам… Знакомства… Вот ведь, организовал нам в собственность вертолет! Пожалуй, я бы этого не сумел. Половина денег на него ушло, но он-то своего стоит!

Сын Серого невольно посмотрел вверх. Наверное – ожидая полюбоваться ажурными контурами машины над кромкой башни.

Но ничего не увидел.

Тогда он выпрямился и отошел от камня шагов пятнадцать, по временам оборачиваясь и взглядывая все вверх.

Затем он остановился. И замер. И у него на лице отразилось предельное удивление.

Оно сменилось выраженьем растерянности, когда Владимир заметил, как усмехается себе в седые усы, внимательно наблюдая за всеми перемещениями его, Серый старший.

– Что, пропал вертолет? – раскатисто вдруг вопросил старик, в шутовском изумлении разведя руками. – Куда же он подевался? В тайге, я тебе скажу, ответ прост: утащили медведи! Силушки-то им девать некуда… А серьезно, – Иван приблизился к сыну, и теплая улыбка играла у него на лице, – вот главный тебе сюрприз. Работяги смонтировали гидравлику. Сделали последнее, значит, чего должны. Распили выставленный им ящик, и теперь уже не появятся. Чужая нога не ступит отныне на эту землю! Ты, я и твоя Марина… с сегодняшнего дня мы – цари!

Старик заглядывал в глаза сына, явно ожидая увидеть в них отражение своей радости.

Лицо Владимира оставалось растерянным.

И даже, оно напоминало теперь лицо человека, которому обнаруживается обман.

– Гидравлика… – бормотал Серый младший. – Причем гидравлика?..

– Как причем? – старик обрадовался пояснить странное недоумение в глазах сына, тревожащее его душу, не знанием о технических подробностях, и он с охотою их выкладывал. – Гидравлика опускает площадку посреди крыши башни, на которую приземляется вертолет. Затем работает выдвижная крышка – четырехстворчатая, смыкающаяся герметично – и вертолет оказывается упакован в непроницаемый для дождя ангар. А если надо взлететь, проделываешь все в обратном порядке. Сервомоторами управляешь с пульта, прямо сидя в кабине. Ну… как тебе это все?

Владимир слушал отца, и на губах его постепенно складывалось улыбка.

Спокойная.

Но такая, которую едва ли можно было бы назвать радостной. *Я постоянно вижу его с этой улыбкой на фотографиях в поп-журналах*, отметил про себя (если только я не ошибся, ведь было до них далеко) Иван.

Владимир проговорил:

– Я думал, мы строим храм.

– …храм? – старик замер, непроизвольно отступив от сына на шаг. И трубка, только что крепко сжатая в пальцах его руки, качнулась и упала в траву. Теперь уже на лице Ивана проступало растерянное, недоумевающее выражение.

Но вот его кустистые брови сомкнулись у переносицы. И обозначились резче морщины на загорелом лбу.

– Вот что… Давай-ка мы с тобой, Володя, *хорошо побеседуем*.

По-видимому, отец и сын вкладывали особый смысл в эту фразу. Наверное, подразумевалась и не просто беседа, а некий установившийся ритуал, который позволял открыть душу, достичь взаимного пониманья в особых и сложных случаях. Оба одновременно повернулись и пошли в направлении, где находился вход в башню.

О трубке старик забыл. Она так и осталась лежать в траве. Уверен, что она на том месте, куда упала, и до сих пор. Хотя ее теперь невозможно увидеть, конечно, потому что бурьян разросся и скрыл ее.

Они поднялись по винтовой лестнице, которая была устроена около стены башни. Впереди отец, за ним сын. Стена не создавала препятствий моему взору, потому что она была выложена из местного, *моего* камня. И только скрепляющая камни между собою смесь, в которую добавлено было что-то, привезенное издали, не становилась прозрачной по требованию моей воли. И вот, я видел поднимающихся словно бы сквозь решетку. Или, точнее будет сказать, – сквозь крупную, с ячеями неправильной формы, сеть.

Они взошли и уселись. Темное бутылочное стекло блеснуло в руках отца. Булькая, вино наполнило выгнутые причудливо, не уступающие красотой бокалам из хрусталя, стаканы.

Они сидели друг против друга молча, сделав лишь по небольшому глотку.

И лишь затем у них возникла беседа. Такого рода, которые бывает охота вести немногим лишь из людей. Тем именно из людей, которые вызывают у меня не только лишь неприязнь, а стальную, нисколько не теряющую с веками остроты ненависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.